

«Это была кошмарная, грязная анонимка, там были написаны жуткие слова».

— Я родилась в маленьком городке, в Бугуруслане Оренбургской области, в мои пять-шесть лет мы переехали в Куйбышев

(ныне — Самара), оттуда в семнадцать лет приехала поступать в ГИТИС. С тех пор живу самостоятельно.

— *Такие времена, что многие артисты меняют работу, мечутся, а вы, Ольга Михайловна, в Театре Моссовета уже четырнадцать лет. Никуда не собираетесь?*

— Нет, пока нет. Это мой третий театр в Москве, после ТЮЗа и Малой Бронной, и это мой дом. Я не люблю говорить «Театр — мой дом», все так говорят, но однажды весьма бестактно спросила у одного киноактера, молодая была: «Как вы так можете, то — в одну группу, то — в другую, словно цыгане?». И он резонно ответил: «Специфика профессии. Я — киноактер, ты — актриса театральная». Киноактрисой, кстати, я себя так и не почувствовала.

— *Вы в своем театре застали Раневскую, Плятта?*

— Раневскую почти не застала, с Пляттом мы здоровались за кулисами... С Марковым играли в двух спектаклях. Я сначала его боялась, думала, он сноб, «актер актерыч» и с женщинами ужасен, а когда он вводился на главную роль в «Завтрак с неизвестными», вдруг поняла: он живой. Можно было по штампу, а он вел себя как ученик, он не знал, что и как, он искал. И ко мне отнесся тепло, даже опекал меня. Дорожу этим. Между нами возник правильный дружеский тон. Меня это часто выручает, кстати говоря.

— *Каким образом?*

— Ростоцкий часто рассказывает в компаниях, как он «ухаживал» за мной еще на «Доживем до понедельника». Я уже взрослая была, двадцать два года, ему — лет сорок, и он где-то между съемками спрашивает: «Оля, а если я скажу, что вы мне нравитесь?». А я даже не поняла, о чем речь: «Ну и что? Я, наверное, могу нравиться, это же нормально?». Он говорит: «Да? А если б я сказал, что я вас люблю?». А я — абсолютно на голубом глазу и ведь не играла ничего: «Ну, вы можете меня любить... как папа». И на всю жизнь мы стали с ним хорошими друзьями.

— *Странно, что эта история — с ним, а не с Матвеевым. После «Любви земной» молва вас долго связывала.*

— Сплетни, слухи — издержки профессии. С этим приходится мириться. С Матвеевым мы очень долго ругались и ссорились, но это единственный режиссер, который сказал: «Что ты захочешь, то я и буду для тебя снимать». Даже сказать это — царский подарок, но я отплатила ему тем же: никогда ему не врал. И, может, он меня за это и ценил — знал: я с ним в поддавки не играю. Евгений Семенович и человечески замечательнее многих. Мужчина. Широкий, щедрый, надежный. Например, мог в экспедиции, на съемках, привести в ресторан всю группу и никому не дать заплатить.

— *Судя по всему, человек вы достаточно прямолинейный. Как же с таким характером вас не «съели»? Как же закулисные интриги?*

— Когда я появилась в «Моссовете» и сразу стала репетировать одну из главных ролей, то, конечно, на репетициях почувствовала «отношение», тем более это был «Вдовый пароход» — спектакль, в котором главные роли играли пять актрис этого театра и я. Но я их понимала: я у кого-то отнимаю роль — и, как вам сказать, не вступала с ними в борьбу. Мне кажется, самый простой способ остаться нормальным, естественным человеком — это не вступать в борьбу. Я часто замечала, что тогда отпадает необходимость в этой борьбе, люди начинают заниматься делом. И когда перед премьерой мне подали письмо, я уже знала: это не от них, не от моих пятерых партнеров. А это была кошмарная, грязная анонимка, там были написаны жуткие слова. А я подумала: «Боже, как жалко того, кто тратит на это жизнь!». У

Семь лет. Первая читка пьесы

ОЛЬГА ОСТРОУМОВА

ТВ Парк - 1997 - 7 апр. - с. 8-10.

меня здоровая натура и сильный закон самосохранения.

— Кто же в вас заложил такой «закон»?

— Спасибо Богу и папе с мамой. Это не характер — характер можно менять, и не моя заслуга, а гены. Может, бабушка с дедушкой. Дедушка был священник, и в семье никогда не было насилия. Например, была масса внуков, вступили мы все в пионеры, прибегаем, посмеиваемся: «Дедушка-дедушка, вчера гром гремел, это что, Илья-пророк на колеснице?». И мудрейший, добрейший дедушка объясняет нам все по законам физики, а потом объясняет легенду, сказку про Илью-пророка. Он понимал нас, я с детства с этим жила. И у меня не характер, а натура — правильная от природы. У меня тоже были моменты, когда хотелось лечь и закрыть глаза, когда я думала, что буду мертвецом доживать: ходить, кормить детей, работать там, за-

«Сложившийся человек» Миша с мамой

рабатывать, но я буду умерший человек. Нет, выжила. Тоже благодаря натуре, а не отдельным личным качествам.

— Что это был за момент?

— Разрушились иллюзии, скажем так.

— Чем это кончилось? Иллюзий больше нет?

— Ну что вы, с теми или иными иллюзиями я, пожалуй, так и умру. А чем кончилось? Спасли дети, спасла работа, спасла любовь. У меня чудные дети, Оля и Миша. Дочке — двадцать один год, актрисой становится. Сыну — тринадцать, не знаю, кем будет, но с рождения он абсолютно сложившийся человек, различающий самое главное — добро и зло.

— Стало быть, вам можно позавидовать?

— Стало быть, да.

— Вас теперь часто делают участницей светской хроники — замечают, фотографируют... Как вы к этому относитесь?

— Раньше я нигде не появлялась, потому что дети были маленькие и не было дедушек и бабушек, а только девочки из фирмы «Заря» — сами еще дети, на которых я бросала все и убегала репетировать. И всегда неразумно мечтала о том времени, когда дети вырастут и

я наконец-то «займусь собой». Вот они выросли... А что касается «светской хроники», то замечают и фотографируют, по-моему, другого человека, того, кто рядом со мною, — не будем считать славою, но... А я фотографироваться не люблю и физиономию никогда не подставляю, наоборот: смущаюсь, краснею, мне неудобно. И всегда надо пересилить себя и сказать: «Ну нельзя, Оля, чтобы комплекс тебя задавил. Веди себя нормально».

— Имя «другого человека» вы тоже не называете от стеснения?

— Ну, что я буду...

— Тогда вот о чем: с экрана вы всегда воспринимались как хорошая мать и прекрасная хозяйка. Это соответствует действительности?

— Да, я хотела быть хорошей матерью, как и все, как и моя мама, но, в первую очередь, все же — другом. Я хочу уважать личность в детях и чтобы они уважали личность во мне и не посягали. У детей должна быть своя свобода, я ведь не истина в последней инстанции. Может, они знают больше меня? Другое дело — что-то корректировать. Все равно мы их делаем по своему образу и подобию.

— Отсюда дочь — актриса?

— Нет, это совершенно неожиданно. Я не знаю языка, к сожалению, — это просто кошмар моей жизни — и думала: «Язык Оле легко дается, какое

Ольга Михайловна-младшая, тоже актриса

счастье!». Предполагала, что она пойдет в иняз, год работала только на учителей, и вдруг: «Мам, я хочу поступать в театраль-ный». И пошла поступать к Петру Фоменко. Я не стала ее отговаривать. Четыре года у Фоменко поучиться — так это даже мне завидно. Кем бы она потом ни стала. Ну, поменяет профессию. Я ей сказала: «Иди. Только я никому не буду звонить. Иди на общих основаниях. Сама поймешь — есть в тебе что-то или нет». Сейчас она на четвертом курсе. Говорят, что-то есть.

— Когда вы сами, еще студенткой, сыграли в «Доживем до понедельника» школьницу, такую первую красавицу, вы уже поняли, что красивы?

— Человек всегда должен быть красив, просто не так поверхностно. Что же касается вашего вопроса, то — ни тогда, ни потом. Никогда я не была уверена в себе — ни по-актерски, ни по-женски, что, вот, «приду и победю». Просто полагаю, что могу себя внешне преобразить, когда захочу. Но хочу я этого редко.

— Почему?

— Потому что мне этого хватает на сцене: в «Мадам Бовари», в «Днях Турбиных», в Элине — героине Кнута Гамсуна. А в жизни всегда некогда. Надо холить себя, лелеять, а я прихожу домой, «не снимая калош», иду к плите, кормлю всех, стираю, вечно мечтаю о домработнице, которой нет, то есть редко-редко кто-то поможет... И самой удобной одеждой при этом для меня всегда были джинсы и свитер.

— Вы сейчас в прекрасной форме.

— Что вы, я бросила курить три года назад, поправилась. Но это такое актерское качество — казаться в прекрасной форме.

— А я-то думала, вы свежая и отдохнувшая. Кстати, как вы отдыхаете?

— Отдых — это природа, это среднерусская деревня. Но последний раз я была на Кипре.

— Любите путешествовать?

«Доживем до понедельника»

«А зори здесь тихие...»

«Любовь земная»

«Жертвы светской хроники»

Советская делегация в Уганде. Иди Амин предвкушает хороший ужин

— Обожаю. И в советское время, когда Госкино посылало, ездила очень много. В Африке, в какой-то деревне, показывали «А зори здесь тихие...» буквально на натянутой простыне, под крики попугаев, но что меня поразило — их «деревенские» реагировали точно так же, как наши.

— Но они же там людоеды...

— С людоедом я просто держалась за ручку и чуть ли не целовалась. Угандийский Иди Амин, который, как писали, оказался каннибалом, устроил нам потрясающий вечер на Латерна-Бич, велел созвать все близлежащие племена, и они показывали свои воинственные танцы. А одна из жен Иди Амина оделась в нечто типа сари, причем впереди и сзади на этом платье было по портрету мужа... Еще в Венеции я видела живого Чаплина, а потом однажды в Швейцарии мы проезжали Веве, купили на все суточные роскошных желтых хризантем и положили на его могилу.

— А как вы чувствовали себя рядом с кинозвездами: на фестивалях, например?

— Парадоксально, но здесь, в Доме кино, мне вечно неловко и неудобно, а там — совершенно свободно. В Венеции в семьдесят втором у нас с Ирой Шевчук случайно оказались почти одинаковые платья, но нам, самым молодым на этом фестивале, было все равно. Там ведут себя по-другому — очень просто, дружелюбно — по крайней мере, мне так казалось.

— Вам, видно, очень важно, чтобы было «просто» и «дружелюбно». Даже из нашего первого телефонного разговора я это поняла.

— Приятно, когда тебя понимают.

Екатерина Тарханова

Пятница. РТР. 21.20

«Чарли, будь человеком, дай помыть лапки»

«А любовь все живет в моем сердце больном...»